

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЮЖНОРОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА 1920-х гг. О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА: САМОРАЗВИТИЕ И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

В статье выявляется соотношение эндогенных и экзогенных факторов развития общественного мнения южнороссийского крестьянства 1920-х гг. о строительстве социализма. Установлены долгосрочные внутренние факторы более негативного, чем в стране в целом, восприятия социалистического строительства земледельцами Юга России: повышенная аграрность и зажиточность; этносословный раскол на казачество и «иностранодних» крестьян; обостренные земельные и налоговые противоречия; затяжная Гражданская война; восприятие Советской власти казаками как насажденной извне. Одновременно «иностранодние» крестьяне воспринимали советский проект как спасение от засилья казачества. Партийно-государственные идеологические кампании 1920-х гг. слабо влияли на общественное мнение земледельцев, будучи скорее внешним раздражителем и информационным поводом, чем основным фактором изменений общественного мнения.

Ключевые слова: общественное мнение, крестьянство, строительство социализма, Юг России, 1920-е годы.

Актуальность темы в том, что общественное мнение крестьянства 1920-х гг. о строительстве социализма остается одним из малоизученных и дискуссионных аспектов истории нэпа. Плюрализм ориентаций общественного мнения особенно ярко проявлялся на Юге России – в аграрном, полиэтничном макрорегионе, где непреодоленность Гражданской войны и застарелые конфликты влияли на общественные настроения. С наибольшей остротой проблема отношения к социализму встала для земледельцев в условиях свертывания нэпа и чрезвычайных хлебозаготовительных мер 1928–1929 гг., чему в статье будет уделено основное внимание.

Состояние, тенденции и механизмы развития общественного мнения 1920-х гг. о строительстве социализма исследованы недостаточно. Мало внимания до сих пор уделяется региональной и этносословной специфике восприятия социализма крестьянством. Исследования отдельных аспектов проблемы, в частности, восприятия крестьянством экономической политики, начали в 1960-х гг. на общероссийских

материалах Ю. А. Поляков [Поляков], В. П. Данилов [Данилов], а на юге страны – В. Е. Щетнев [Щетнев], Н. Г. Цыганаш [Цыганаш]. С конца 1980-х гг. проявляется стремление историков раскрыть влияние психологии и традиционных институтов крестьянской жизни на строительство социализма, выявить противоречивость общественного мнения. Современные историки изучают взаимное восприятие крестьянства и власти в ракурсе исторической психологии [Булдаков] и истории повседневности [Рожков]. Сложная динамика общественного мнения южнороссийского крестьянства 1920-х гг. выявляется в работах С. А. Кислицына и А. С. Кириченко [Кислицын, Кириченко], А. П. Скорика и Р. Г. Тикиджьяна [Скорик, Тикиджьян], А. В. Баранова [Баранов], С. Д. Багдасарян [Багдасарян].

Пространственные пределы статьи включают в себя области Юга России с количественным преобладанием славянского населения (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье, Черноморье). Их население составляло 7 407 тыс. чел. (по переписи 1926 г.), в том числе 77,9 % – сельское и 32,0 % – казачье [Всесоюзная перепись населения, т. 5, с. 49–50].

Источниковая основа статьи: информационные сводки и обзоры ВЧК–ОГПУ, жалобы и обращения крестьян в органы управления и периодическую печать, личная переписка, этнографические очерки.

Цель статьи – выявить соотношение эндогенных и экзогенных факторов развития общественного мнения южнороссийского крестьянства 1920-х гг. о строительстве социализма.

Общественное мнение может быть определено как форма массового сознания, в которой проявляется отношение индивидов и социальных групп к событиям и явлениям жизни. Общественное мнение зависит от знаний индивидов и групп о политике и ее проявлениях, отношения к ним. Общественное мнение включает статичные (ценности, установки и стереотипы), а также динамичные компоненты (настроения по поводу текущих событий). Оно обуславливает наиболее типичные варианты поведения. Динамика общественного мнения характеризуется изменениями набора значимых проблем и отношения к ним. Изменения восприятий явлений зависят от уровня осведомленности индивидов и групп; от уровня участия в событиях и стереотипов деятельности [Гавра, с. 63].

Операциональными индикаторами являются в данной связи суждения о фактах и явлениях, слухи, лозунги, требования, призывы. Общественное мнение крестьянства открыто проявлялось в 1920-х гг. как вследствие относительной мягкости официальной политики, так и ввиду слабого политического контроля власти над крестьянством. Органы власти были вынуждены учитывать общественное мнение, выбирая курс своей политики.

Особенности общественного мнения земледельцев Юга России формировались на основе большего, нежели в среднем по стране, уделения веса сельского населения и неравномерной модернизации социума. Более 80 % земельных угодий продолжали составлять общинные владения, и традиционные институты (станичный сход, подчинение молодежи и бедняков «старикам» и зажиточным, культурное и политическое преобладание казаков над пришлыми «иногородними» крестьянами) преобладали над институтами советскими. В отличие от Центра Европейской России, на Юге РСФСР середняком считался трудовой хлебороб с посевом на семью от 4 до 16 дес., с 2–4 коровами и лошадьми [Осколков, с. 57–59]. Л. И. Лакизо провела многофакторное сравнение казачьих и крестьянских хозяйств. Среди казаков по переписи 1926 г. насчитывалось 17,4 % бедняцких и батрацких, 77,3 % середняцких и 5,3 % зажиточных семей. Состав «иногородних» совсем иной: 48,3 % бедняков и батраков; 46,4 % середняков; 5,3 % зажиточных [Лакизо, с. 60–61]. «Осереднячивание» было гораздо ярче выражено в донских и кубанских станицах, чем в обедневшей нечерноземной России. Сказывалась и повышенная грамотность сельских жителей. Например, в 1920 г. грамотность сельского населения Кубано-Черноморской области составляла 32,6 %, в том числе казаков – 47,0 % [Скворцов, с. 3–4, 7].

Казаки сохраняли уверенность в своем единстве. Хотя монархизм был подорван за время войн и революций, идеал государства для казаков с их общинностью, православием, трудовой зажиточностью оставался в прошлом. Традиционные требования к чиновникам – деловитость, знание сельского хозяйства, жизненный опыт. Характерна неприязнь хлеборобов к большинству коммунистов – пришлых, не владеющих местным наречием, не знающих земледельческий труд [ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 103, д. 696, л. 126]. Казаки стремились превратить сельские Советы в подобие станичного схода. Земельные общества тоже ограничивали власть Советов, подчас создавая двоевластие. Информационный отдел ЦК РКП (б) свидетельствовал: «Авторитет старых атаманов и командиров в массе еще непоколебим», часто звучали требования восстановить войско и даже избрать «батюшку царя» [ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 224, л. 110].

Давление на власть со стороны земледельцев в условиях нэпа нарастало. Наряду с экономическими требованиями зажиточные и середняцкие слои выдвигали политические – провести амнистию «лишенцев», создать «Союз хлеборобов», провести свободные выборы Советов. На стадии «расширения нэпа» (осень 1924 – весна 1926 гг.) во многих станичных Советах, земельных и кооперативных обществах расширился слой зажиточных и середняков – казаков, местной

интеллигенции, амнистированных [Баранов, с. 57–61]. Это вызвало обострение сословных и классовых отношений, острое неприятие нэпа многими большевиками, бедняками и батраками, большинством «киногородных». Весной 1926 г. началось постепенное свертывание нэпа. Тем самым созрела почва для идей новой уравнительной революции, направленной против «кулачества», реализованных в «чрезвычайных мерах хлебозаготовок» 1928–1929 гг.

Общественное мнение оказалось неподготовленным к принятию чрезвычайных мер января 1928 г. Многие бедняки и середняки отшатнулись от власти, к которой еще недавно относились благожелательно. Вот мнение казака станицы Полтавской: «Я никогда не думал, чтобы советская власть так прижимала хлебороба. Если я раньше был сторонником этой власти, то теперь не на словах, которые я слышал, будучи в Красной армии, а на деле убедился в противоположном и стал ее противником» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 95, л. 10; д. 215, л. 168].

Первые отклики хлеборобов на чрезвычайные меры – ошеломление («как снег на голову»); попытки объяснить их близостью войны (надо выплачивать внешний долг; изъятие хлеба облегчит призыв в армию); недовольство классовым принципом платежей («почему не распределяют поровну?») [ГАКК, ф. Р-226, оп. 1, д. 344, л. 5–5об]. 15–17 января 1928 г. ОГПУ изъяло листовки, в них преобладали хозяйственные требования: протест против сокращения рабочего дня горожан, призыв создать «крестьянский профсоюз», снизить налоги и цены на промтовары [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 801, л. 45 об, 45, 66; д. 802, л. 46]. Оживилась сословная вражда. «Кулаки» настраивали все казачество против самобложения: «Видите, деньги-то не дают. Собирают, собирают, а потом и убегут с Кубани». Шли слухи о предстоящей высылке всех казаков в Сибирь [Крестная ноша казачества, с. 335, 337, 336].

Под нажимом земледельцы отдавали последние запасы хлеба, а посулы властей предоставить взамен промтовары, муку и посевные семена не выполнялись. Транспорт не справлялся с вывозом запасов. Хлеб гнил на складах и железнодорожных станциях. Бедняки разграбили в нескольких станциях подготовленные к вывозу запасы. Многие бедняки не желали участвовать в комиссиях по заготовкам, считая их «шпионскими» [ГАКК, ф. Р-226, оп. 1, д. 341, л. 1, 26]. Донецкий окружком ВКП (б) делал вывод: «В ряде мест беднота активно выступала против вывоза хлеба. Во многих случаях батраки вместе с хозяевами прятали хлеб и молчали» [Чернопицкий, с. 4].

Хлеборобы предпочли мирные формы отстаивания своих прав. Станичники ответили на фискальный нажим дроблением хозяйств, укрытием объектов налогообложения, переселением. Сводки ОГПУ за май 1928 г. свидетельствуют: «В некоторых станицах Армавирского

округа число желающих переселиться до 800 душ (ст. Темнолесская). В с. Воронцово-Николаевском имеется стремление переселиться в Уругвай ... такой настрой возник прежде всего у репатриантов-лишеницев» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 801, л. 122].

Как сообщал полпред ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е. Г. Евдокимов, настроение бедняков двойственное: «1) нужно идти отбирать хлеб у кулаков; 2) необходимо прекращать заготовку и бить коммунистов и аппаратчиков» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 807, л. 93]. Бедняки не поддерживали даже такую благотворную для них меру властей, как отмену кабальных трудовых соглашений с кулаками: «Вы уедете, а мы останемся здесь и нам придется тогда обращаться к кулаку за хлебом» [ГАКК, ф. 9, оп. 1, д. 837, л. 105].

В напряженные периоды заготовок интересы всех слоев крестьянства смыкались против курса форсированного социалистического строительства. А. А. Андреев в докладе крайкома пленуму ЦК ВКП (б) в октябре 1928 г. признавал: «Мы имеем в деревне почти единый фронт, начиная с бедноты и кончая кулацкой частью крестьянства, враждебно настроенный против хлебозаготовок, займов, самообложения». Беднота и середняки «в довольно многих случаях выступали против этих мероприятий» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 754, л. 122, 123]. Казаки-середняки были настроены решительно: «Мы добровольно хлеба не отдадим, возьмут лишь, когда придут за хлебом; я переколю всех вилами, а хлеба не дам». Иногородние разделяли это мнение пассивно, без воинственности [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 801, л. 14].

Средняки и зажиточные, чьи настроения различить по источникам трудно, мыслили масштабнее бедняков. Кулак из с. Супсех Анапского района рассуждал: «Что нам критиковать работу советов и РИКов. Организации эти подневольные. Крыть нужно вышестоящие организации, центральную власть. Это они, помогая бедноте, научили ее лодырничать» [ЦДНИКК, ф. 9, оп. 1, д. 844, л. 10–12]. Показательны недоверие и озлобленность крестьян, узнавших о новых льготах середнякам. В станице Воздвиженской они заявили: «Брешут... все эти народные комиссары. Это с целью записали, чтобы завлечь хлеборобов на расширение посевов, а потом назовут нас кулаками и будут беспощадно облагать в индивидуальном порядке, да еще мало того, так морды поковыряют – и правы будут...» [«Проклятия крестьян падут на вашу голову...», с. 169].

Углубился раскол земледельцев на «активистов» – бедняцкую прослойку сторонников власти и основную массу населения.

Под влиянием перемен в официальной пропаганде казаки и крестьяне все больше осознавали, что речь идет не о временном

ужесточении налогов и платежей, а о коренном перевороте в их жизненном укладе. Этот переворот чаще оценивался как преждевременный и неподготовленный. Средняки станицы Эркетинской Сальского округа заявили: «Нам сейчас далеко до колхозов. Пусть народ научится понимать их, а сейчас каши не сварить... Пусть пройдет лет десять, тогда, может быть, можно будет пойти в колхозы. Кто будет работать, а кто командовать, а пока дураков нет». В станице Чернолесской было отмечено мнение: «...советская власть выпускает еще плохие трактора. Когда их будут давать лучше и больше, тогда пойдем в коллектив» [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 834, л. 33]. Хлебоборобы часто не признавали самого наличия кулаков. «Разве у нас есть кулак, когда с нас всех берут одинаково? Как только посеял... 30–40 десятин, так и кулак». Таких признавали «хорошими хозяевами» [Белоцкий, с. 79]. Средняки не видели смысла улучшать свое хозяйство. «Все равно Советская власть отберет все излишки, зачем же увеличивать посевы, будем сеять столько, сколько необходимо для семьи» [ГАКК, ф. Р-1050, оп. 1, д. 38, л. 104–105].

Сделаем выводы. Установлены долгосрочные внутренние факторы более негативного, чем в стране, восприятия социалистического строительства земледельцами Юга России: повышенная аграрность и зажиточность; этнословный раскол на казачество и «иногородних» крестьян; обостренные земельные и налоговые противоречия; затяжная Гражданская война; восприятие Советской власти казаками как насажденной извне. Одновременно «иногородние» крестьяне воспринимали социалистическое строительство как спасение от засилья казачества.

«Чрезвычайные меры» 1928–1929 гг. при переходе к коллективизации впервые объединили большую часть земледельцев против власти, уменьшили внутренние различия мнений середняков и зажиточных групп. В настроениях масс проявилось неприятие всей совокупности мер управления, надежда на раскол ВКП (б) и помощь эмиграции. Советы и общественные организации воспринимались как бессильные. Среди форм сопротивления курсу свертывания нэпа до 1929 г. преобладало «оружие слабых» – агитация, саботаж налогов и платежей, дробление хозяйств и сокращение их доходов. Переход от нэпа к форсированному социалистическому строительству был обеспечен не только агитацией и репрессиями, но и психологическими факторами: классовым и возрастным расколом общества, стремлением беднейших слоев повысить свой статус. Курс модернизации в их сознании неразрывно связывался с политикой ВКП (б). Антирыночные настроения были использованы властью.

Партийно-государственные идеологические кампании 1920-х гг. слабо влияли на общественное мнение земледельцев, будучи скорее внешним раздражителем и информационным поводом, чем основным фактором изменения общественного мнения.

Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015.

Баранов А. В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. № 4. С. 55–62.

Белоцкий М. Слабые участки работы в деревне // Ленинский путь. Ростов н/Д, 1929. № 3–4. С. 79.

Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. Т. 5. М., 1928.

Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и как социальный институт. СПб., 1995.

ГАРФ. Ф. Р-1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов (ВЦИК) РСФСР).

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-226 (Кубанская окружная Рабоче-крестьянская инспекция), Р-1050 (Коллекция документов писателя Ставского Владимира Петровича по истории Гражданской войны, коллективизации сельского хозяйства и социалистическому строительству на Северном Кавказе).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1485 (Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет Советов).

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

Кислицын С. А., Кириченко А. С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки XX в. Ростов н/Д, 2007.

Крестная ноша казачества / собр. В. Сидоров. Ч. 1. Ростов н/Д, 1994.

Лакизо Л. И. Характеристика кулачества северокавказской деревни (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Изв. Северо-Кавказского науч. центра высш. школы. Ростов н/Д, 1980. № 4. С. 57-63 (Сер. Обществ. науки).

Осколков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1973.

Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

«Проклятия крестьян падут на вашу голову...»: Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930 годах // Новый мир. 1993. № 4. С. 166–183.

Рождков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.

Скворцов С. А. Грамотность на Кубани. Краснодар, 1923.

Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Донцы в 1920-х годах. Ростов н/Д, 2010.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9 (Черноморский окружной комитет ВКП (б)).

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7 (Северо-Кавказский краевой комитет ВКП (б)).

Цыганаш Н. Г. Общественно-политические настроения сельского населения Дона и Северного Кавказа в период перехода к нэпу // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1984. С. 70–86.

Черноплицкий П. Г. Усиление роли сельских советов Дона в борьбе за подъем сельского хозяйства в 1928–1929 гг. Ростов н/Д, 1965.

Щетнев В. Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар, 1974. С. 64–79.

УДК 94(470.5).084

Н. Н. Макарова

«НОВЫЙ» ЧЕЛОВЕК НА МАГНИТОСТРОЕ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

«Новый» человек в СССР — особенный, он не похож ни на людей, что были в прошлом (до революции), ни на людей в других странах. В данной статье автор анализирует понятие «новый человек», которое активно использовалось в советском дискурсе, и попытки его создания в Магнитогорске — «новом» городе. «Новый» человек на Магнитострое оказался мифом, выдумкой советской пропаганды. В жизни «нового» человека определяющую роль играл труд. Человек и его образ жизни были подчинены будням великой стройки. Основными чертами, характеризующими трудовое поведение магнитогорцев, являлись рестрикционизм и слабая трудовая дисциплина, невысокий средний уровень профессионализма и система привилегий, определявшие качество труда в городе.

Ключевые слова: история, СССР, индустриализация, Магнитогорск, новый город.